

5.7.7. – Социальная и политическая философия

Научная статья

Research article

УДК 1:304.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.4.71-77>

Историческая наука и нарративы в эпоху постмодерна

Тавобелов Д.Р.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются новые аспекты, которые вносит постмодерн в историческую науку. Ставится вопрос о том, как постмодернистский взгляд на историческое исследование под воздействием историка и его языка вносит изменения в научную реальность. Автор выясняет, какое место занимает истина в историческом познании в ситуации постмодерна и какими способами исторические произведения сближаются с произведениями литературными.

Ключевые слова: историческая наука, постмодерн, нарратив, литература

Для цитирования: Тавобелов Д.Р. Историческая наука и нарративы в эпоху постмодерна. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2024; (4 (67)):71–77.

Historical Science and Narratives in the Postmodern Era

Tavobelov D.R.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article examines the new implications of postmodernity for historical science. It considers how the postmodern approach to historical research, shaped by the historian's perspective and language, alters the nature of scientific reality. It also explores the relationship between truth and historical knowledge, and the ways in which historical works interact with literary works.

Keywords: historical science, postmodern, narrative, literature

For citation: Tavobelov D.R. Historical Science and Narratives in the Postmodern Era. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024;(4 (67)):71–77. (In Russ.)

Введение

Постмодерн как философская парадигма представляет собой ответ на тенденции, которые начали проявляться в культуре с середины XX века. Этот период характеризуется отходом от метафизических и абстрактных теорий и смещением внимания к социальным и политическим аспектам реальности.

Историческая культурная среда второй половины двадцатого столетия довольно сильно изменяет стратегию творчества. Традиционно творчество понималось как создание нового, но постмодерн изменил эту трактовку на принцип перегруппировки сущего или комбинаторики. В связи с этими изменениями полностью меняется со-

держание творческой составляющей культуры.

Изменения в подходах к творчеству находят отражение и в исторической науке, где на смену серьезной традиции модерна приходит ирония и ироническое переосмысление, а на смену возвышенному творческому созиданию – высмеивание, уничтожение и, конечно, собирание пазла из остатков развалившейся истории.

Существенное влияние постмодерн оказал на историческую науку, меняя подход теоретиков к историческому знанию и нарративам, которые представляются как реальность в виде рассказа, в котором события раскрываются в контексте повествования. Исследователи начинают обращать свое внимание не только на само содержание, но и на способы его создания. Нарратив распространяется дальше, чем просто репрезентация событий в СМИ, он затрагивает «рассказовые структуры», складывающиеся по законам литературного повествования. Содержание нарратива зависит от позиции рассказчика. Постмодерн также внес новые особенности в историческую интерпретацию, подчеркивая социокультурные аспекты исторического бытия отдельного человека.

Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания стал одним из самых значимых проблемных полей в философии постмодерна. Однако, помимо этого, исторический нарратив явился еще и объектом рассмотрения во многих научных областях (в социологии, культурологии, лингвистике, литературоведении и т.д.), где он рассматривается как результат именно научной деятельности. Возникло противоречие: нарративы исторического познания – это область научного мышления или мир субъективных установок и мнений, эпистема или докса? Проблема усугубляется еще и тем, что исторический нарратив представляет

собой специфическую форму нарратива, в которой осуществляется конструирование автором и читателем истории как целостности. В своем обращении к прошлому исторический нарратив не просто корреспондирует, но и обозначает (*означивает*) прошлое с помощью языка познающего, являясь средством интерпретации исторической реальности.

Изменения в историческом исследовании затронули также сами принципы получения знаний о прошлом, стала очевидной дистанция между событием и рассказом историка, что неизбежно привело к устойчивому ощущению искажения прошлого в исторической науке и вызвало сомнение в достоверности получаемых знаний [1, с. 158]. Конец прошлого столетия обозначил собой старт «нарративного поворота» в гуманитарных (в частности, социальных) науках [2, с. 42]. Это привело к мысли, что содержание разных форм знания можно осознать только через анализ их нарративной составляющей. В какой-то мере это положение дополнило лингвистический поворот, в частности возникшее в его рамках стремление опираться на язык при исследовании социальных, политических и культурных проблем.

Об истине в историческом познании

В эпоху модерна были разработаны весьма точные представления об условиях получения научного знания: исследователь-историк представлялся в роли стороннего наблюдателя в отношении к прошлым и настоящим событиям истории [3, с. 14–16]. Целью деятельности являлась реконструкция прошлого, причем реконструкция объективная, опирающаяся на факты.

Значение влияния философии постмодерна на историческую науку было обнаружено и оценено не сразу. Лишь отдельные историки почувствовали важность новейших установок для со-

циальных наук, гуманитарных знаний в целом и исторического познания в частности [4, с. 48].

С конца XX столетия историческая наука находится в кризисном состоянии, и мировосприятие, которое опирается на постмодернистские идеи, бросает серьезный вызов исторической теории, касаясь именно ее научного статуса. Представители философии постмодерна при взгляде на исторический процесс зачастую приходят к ненаучным выводам [5, с. 27-30]. Здесь можно вспомнить известных американских историков Ч. Брид и К. Беккера, которые пишут о создании фактов прошлого, а не об их воспроизведении. Историк, по мнению этих авторов, создает историческое знание субъективно, что лишает историческое познание научности.

Эти идеи показывали важность переосмысления роли историка и самой природы исторического знания в условиях постмодерна. В связи с этим возникает необходимость адаптации исторической науки к новым реалиям, что приводит к изменению подходов к интерпретации исторических событий и фактов.

Можно сказать, что в нынешнем дискурсе постмодерн движется по нескольким направлениям в своем развитии. Первое направление предполагает осознание неопределенности в познании исторических фактов как нормального состояния исторического дискурса. Второе решает задачу создания собственного инструментария для интерпретации исторической реальности, чтобы по-новому взглянуть на традиционные и устоявшиеся темы и задать следующий вектор развития исторических исследований.

В ситуации кризиса исторической науки, когда сама научность истории ставится под сомнение, возникает нужда профессиональных историков обосновывать научный статус этой дисциплины.

Сами истоки критики историзма можно отыскать у Ф. Ницше, а точнее, если обратиться к произведению «Воля к власти». Его концепция действительности как текста, который подлежит истолкованию, является основой критики историзма. Ницше пишет об интерпретации, утверждая, что существует множество вариантов истолкования одних и тех же фактов. Он идет дальше и заявляет, что фактов и вовсе не существует, а есть только интерпретации. Историк не сможет описывать историю как события, которые происходили «на самом деле». Эти идеи повлияли на М. Фуко и на то, что для него является историей. Фуко сообщает нам, что после Ницше остается только отбросить саму идею постижения истины, а то, как историки смотрят на прошлое, изучая его как некое непрерывное развитие, должно подвергнуться «демонтажу». Для Фуко история – разрыв непрерывности и отсутствие какой-либо закономерности, это действие бессознательного. Любой исторический источник для Фуко – продукт коллективного сознания, который является памятником мысли, что означает самостоятельность содержания, а это, в свою очередь, основание для филологического взгляда на историю как на вид художественной литературы.

Однако, представляется, что в историческом познании невозможно избежать проблемы истины, потому что она необходима для самой возможности историописания. Х. Уайт пишет: «История определяет себя и свою природу в контрасте с фикцией, с одной стороны, и философией, с другой. Во многих отношениях практика истории определяется не тем, что она делает, а тем, что она не делает» [6, с. 41].

Когда историк использует нарративные приемы и тропы для придания смысла прошлому, возникает исторический текст, который не является простым изложением фактов, а представляет собой сложный конструктор.

Взгляд на исторический текст как на что-то целое – это новый взгляд. Раньше историк проводил исследования, изучая каждое предложение, подвергая его оценке на истинность. Л. Минк по этому поводу считал: «Если вы рассматриваете каждое из предложений исторического текста и ищите в нем истинную ценность, вы найдете, скажем, пятьдесят процентов истины и пятьдесят процентов фальши» [6, с. 44]. Эва Доманска полагает, что современные теоретики истории не отрицают существование истины, но указывают на то, что она, как и реальность, относительна [6, с. 387]. Доманска подчеркивает, что все наши утверждения о реальности – своего рода конструкции для интерпретации мира. Для нее нет проблемы с истиной, но есть проблема с адекватностью и аккуратностью интерпретаций.

Об олитературировании исторического дискурса

В постмодернистской парадигме для исторического исследования в качестве объекта анализа в приоритете оказываются литературные тексты, тогда как исторические документы становятся достоянием литературы [1, с. 123]. Если мы признаем идею, что окружающая наша действительность становится познаваемой только как текст, как «литературный» дискурс, это сталкивает нас с теорией «нарратива», которую разработали знаменитые постмодернисты Ж. Ф. Лиотар и Ф. Джеймисон. Согласно этой теории, даже представители других, негуманитарных научных сообществ занимаются рассказыванием историй, так, например, биологи рассказывают истории о структурах, функционировании и эволюции организмов. Весь мир предстает перед нами как история, и эта история литературная. «Литературный», нарративный взгляд на историческую науку оказался довольно популярным среди теоретиков.

Х. Уайт воспринимает историю как некую форму словесности, представленную в виде сюжета. Изучая и описывая прошлое, историк находит именно сюжеты событий. Уайт лишает историю научного статуса, разделяя ее на такие модусы как романс, трагедия, сатира, комедия.

Автор проекта «переосмыслить историю» А. Манслоу тоже отстаивает мнение, что история – не что иное, как литература [7, с. 72]. Он заявляет, что историки начинают не с механики описания, а всего лишь с артефактов прошлого. Но стоит сказать, что Манслоу, описывая «механику историописания», сам не выдвигает радикально обновленных способов мышления над прошлым, настаивая на добавлении каждым автором щепотки своих собственных ценностей. В таком случае, история превращается в настоящее художественное произведение, которое не изучается, не исследуется, а пишется и сочиняется.

Американский исследователь Л. Минк не воспринимает историю как простую последовательность событий, развертывающихся во времени. Минк задался вопросом об историческом исследовании: «Как история остается нарративом, при исследовании фактов?» [8, с. 60] История для него – некая модель понимания, внешнее очертание или форма, словно конфигурация, восприятие объекта как образа, как сеть отношений. Минк также утверждал, что отношение к истории как к истинному представлению о прошлом – порождает серьезные проблемы для самой истории, так как искажает сам предмет истории [9, с. 183].

Номинальное разграничение между историей и литературой, а также описание их различий предпринял П. Рикер в своем заключительном труде «Память, история, забвение», в котором постарался описать двойственную природу исторического знания. Он постарался составить порядок выстраивания сту-

пеней исторического исследования, создав трехактовую структуру. Первый этап будет архивным, здесь историк работает с памятью, работает со свидетельствами и документами прошлого, преобразуя их в источники. Далее идет герменевтическая работа: реализуется установка восприятия и разъяснения. В конечном итоге историком создается целостная историческая репрезентация, и, как пишет Рикер, именно на этом этапе возникает проблема нарративной формы и проблема стратегии аргументации [10, с. 359-369]. Рикер настаивает на разнице в выдумке у писателя (его игры воображения) и репрезентацией исторического события у исследователя.

В большинстве своем, историк не задумывается по поводу значимости вопросов о соотношения истории и текста, истории и нарратива. Скорее всего, историк будет действовать в рамках простой и привычной ему работы с источниками. Сам язык, само содержание, а также использование материала не подталкивают к размышлению о соотношении истории и литературы [11, с. 120]. Однако история тесно связана с нарративами, исторические события невозможно просто зафиксировать в текстах и хрониках. Каждый исторический текст является конструкцией, которая возникает через призму взглядов автора, его мировоззрения и культурных норм.

Постмодернистский взгляд на исторические исследования учитывает возможность языка (и текста) формировать историческую реальность. Постмодерн привносит новый взгляд на текст и нарратив, подчеркивая их значимость в этом формировании и требуя от исследователя осознания этих аспектов. Таким образом, постмодерн оказал огромное влияние на становление современной теории исторической науки: усиливая кризисное состояние в исторической теории, постмодерн открывает новые способы познания прошлого.

Заключение

Иногда постмодерн можно воспринимать как переходную ситуацию, как критический период исторического развития общества. Такая ситуация неоднократно возникала в истории человечества. И каждый раз казалось, что наступил конец истории и культуры, «конец века». Это ситуация неустойчивости между устойчивыми культурными эпохами, переосмысление и иронический пересмотр одной культурной эпохи теоретическими средствами другой. В ситуации постмодерна таким средством переосмысления прошлого стало понятие нарратива.

Само понятие «нарратив» также становится объектом изучения во многих областях научного знания, вместе с этим изменяется и порядок получения знания об исторической реальности [12, с. 49]. Нарративный поворот вызван ситуацией, в которой находится современность. Современная историческая наука нарративизирована, ее искреннее желание найти абсолютно однозначное историческое знание испарилось, идея нестабильности принята, темпоральность признана, а вслед за всем этим создан особый подход к пониманию мира, который предполагает конвергенцию деятельности ученого и писателя [5, с. 194]. Историческая наука сближается с литературой. История больше не воспринимается как способ повествования о фактах. Многие исследователи соглашались с мнением, что отношение к истории как к правдивой передаче прошлого порождает серьезные последствия для исторической науки, искажая ее предмет.

Взгляд постмодерна на исторические исследования учитывает возможности языка формировать историческую реальность. Историк сознательно или бессознательно выстраивает свои тексты в соответствии с традициями и риторикой, преобладающей в их времени. Исторический сюжет выстраивает повествование,

опираясь на привычки мысли и нормы языка определенной культуры. Описывая историческое событие, исследователь придает своей работе определенную историко-литературную форму, в связи с чем стирается грань между художественной работой и историческим исследованием. В итоге получается «историческое произведение».

Э. Доманская писала: «Он [постмодерн] вскрыл, что историческое есть

не более чем миф, иллюстрирующий наше беспрестанное стремление воспринимать мир как упорядоченный, и чья аксиология сводится к двузначной логике (плохое и хорошее). Постмодерн выполнил важную роль – потряс нас. Он никак не решил никакие проблемы современной культуры, но показал, что история – история жизни. Он напомнил, что история – литература» [6, с. 388].

Список литературы / References

1. Кусаинов А. А. Историческая наука в эпоху постмодерна // Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения. 2004. № 9. С. 121–125.
2. Келли А. В. Учебная программа: теория и практика / А. В. Келли. 5-е изд. – Л.: Мудрец, 2004. – 240 с.
3. Kelly A.V. The Curriculum: Theory and Practice, 5th edn. – L.: Sage. – 240 p.
3. Затонский Д. В. Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств / Д. В. Задонский. М.: АСТ, 2000. – 256 с.
4. Барг М. А. Индивид – общество – история // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 257.
5. Трубникова Н.В. Позволить прошлое как историю: о влиянии постмодернизма на историописание в XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 192–198.
6. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / Э. Доманска. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.
7. Манслоу А. Мысли об авторстве прошлого как истории // Переосмысление истории. 2016. № 4. С. 50–79.
- Munslow A. Thoughts on authoring the past as history / A. Munslow // Rethinking History. 2016. № 4. P. 50–79.
8. Минк Л. О. Историческое понимание / Л. О. Минк. – Нью-Йорк.: Издательство Корнельского университета, 1987. 360 с.
- Mink L.O. Historical Understanding. – Ithaca (New York): Cornell University Press, 1987. 360 p.
9. Минк Л. О. Повествовательная форма как инструмент познания. Историческое понимание / Л. О. Минк. – Мэдисон.: Университет Висконсина, 1978. – 324 с.
- Mink L.O. Narrative Form as a Cognitive Instrument. Historical understanding. – Madison: University of Wisconsin Press. 1978. 324 p.
10. Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр. П.: Ле Сёй, 2000. 369 с.
- Ricoeur P. La Mémoire, L'Histoire, L'Oubli. – P.: Le Seuil, 2000. 369 p.
11. Подлевских Л. Г. Значение постмодернизма для теории исторической науки // Вестник Вятского государственного университета. 2009. № 4 (1). С. 27–30.
12. Троцук И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. №1. С. 41–53.
13. Миньшиков Л. А. Постмодерн в искусстве: исторический и семиотический аспекты // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. 2021. № 6. С. 200–212.

Информация об авторе

Тавобелов Динар Радикович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-фило-софских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. e-mail: digidihamer@gmail.com

Information about author

Tavobelov Dinar Radikovich, post-graduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. e-mail: digidihamer@gmail.com

Поступила в редакцию 02.12.2024; принята к публикации 19.12.2024.

Received 02.12.2024; Accepted 19.12.2024.